

Е.Г. Трубецкова

К ВОПРОСУ О МОРБУАЛЬНОМ КОДЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена теоретическому обоснованию и уточнению термина «морбуальный код», употребляемому в современном литературоведении. Морбуальный код понимается как семантический и культурный код художественного текста, на основе которого выделяются метатекстовые единства в творчестве отдельных писателей и периодов литературного развития. Рассматривается пересечение морбуального кода с соматическим, духовным, пространственным, временным и предметным суб-кодами. Материалом исследования являются произведения русской литературы XIX–XXI вв.

Ключевые слова: морбуальный код; культурный код; литература и медицина; болезнь.

Несмотря на то, что сюжеты и образы, связанные с болезнью, с древнейших времен были одним из постоянных объектов изображения в художественных текстах, исследовательская рецепция взаимодействия литературы и медицины (в основном в аспекте изучения патологических отклонений авторов, отразившихся в текстах) интенсивно начинает развиваться только во второй половине XIX в. в работах Ч. Ломброзо, М. Нордау, Д. Ранкура-Лаферьера. Мощным импульсом для изучения взаимодействия литературы и медицины стало развитие в середине XIX – начале XX в. психиатрии как науки, что обусловило определенный ракурс исследования художественных текстов. Из отечественных работ надо отметить монографии В.Ф. Чижова «Достоевский как психопатолог» и «Болезнь Н.В. Гоголя»; статьи Н.Н. Баженова о Гоголе и Гаршине; И.Б. Галанта о Пушкине, Горьком и Леониде Андрееве; В.И. Руднева и Г.В. Сегалина о Толстом. В психиатрических терминах описывали искусство модернизма и авангарда Г.И. Россолимо [1], Ф.Е. Рыбаков [2], Н.И. Вавулин [3], Е.П. Радин [4], А.К. Закржевский [5].

После фундаментального анализа рецепции болезни и становления медицины, предпринятого в работах М. Фуко («История безумия в классическую эпоху» и «Рождение клиники»), становится очевидной философская и культурологическая роли института медицины и отношений врач – пациент. Однако долгое время эти вопросы оставались за рамками внимания отечественного литературоведения.

Новый виток интереса к исследованию сюжетов и образов, связанных с болезнью, начинается в середине 1990-х гг., что было обусловлено тенденцией «медиализации» современного общества [6]. Представляется возможным видеть в этом отражение резкой смены кодов в постмодернистской парадигме, повышения интереса к маргинальности, ориентации на девиантное, психически неполноценное, болезненное и преступное [7].

В то же время интерес к взаимосвязи литературы и медицины был связан с осознанием медицинским сообществом ценности разработки в художественных текстах этических проблем отношений «врач – пациент» и философской рецепции болезни. Особую роль здесь сыграло появление биоэтики. В 1980-е гг. на медицинских факультетах университетов США и Европы был введен курс *Literature and Medicine*¹, цель которого – сформировать у студентов-медиков более полное

представление о морально-этических основах будущей профессии, помочь понять психологию больного, продемонстрировать на литературных примерах успешные и проигрышные стратегии во взаимоотношениях «врач – пациент». В российских вузах подобный курс отсутствует, хотя и в медицинских, и в историко-литературных работах не раз рассматривалась роль литературы в развитии медицинской деонтологии и биоэтики².

В отечественном литературоведении наиболее проработанным аспектом взаимосвязи литературы и медицины долгое время являлось исследование литературных образов врачей. При этом большое внимание уделялось анализу проекций биографии писателей, профессионально связанных с медициной (А. Чехова, В. Вересаева, М. Булгакова, В. Аксенова), на разработку сюжетов и образов произведений [10, 13, 14].

На рубеже XX–XXI вв. очевидной становится необходимость междисциплинарного синтеза в осмыслении «медицинских» текстов, созданных писателями³. Различные аспекты подобного синтеза (истории литературы, медицины, философии, культурологии, литературоведения и лингвистики) были отражены в материалах сборников, выпущенных по итогам международных конференций «*Morbus, Medicamentum et Sanus*» (в Варшаве) [15], «Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика» (в Москве) [16].

Как и столетие назад, популярным остается жанр патографии: от фиксации отдельных «диагнозов» героев и анализа эстетических функций психических отклонений, отраженных писателями (В. Руднев [17], А. Пекуровская [18], К. Богданов [19], И. Сироткина [20], О. Сконечная [21]), до рассмотрения с точки зрения психиатрии различных периодов развития литературы и искусства (И. Смирнов [22]).

Наряду с изучением «сюжетогенности» болезни и этических вопросов, связанных с данной проблематикой, внимание исследователей привлекает эстетическая функция, связанная с изображением болезни: особая «оптика», порождаемая измененным мировосприятием героя [23, 24], где «больной человек и сама болезнь становятся не только объектом изображения, а призмой видения» [24. С. 44].

Универсальность метафорических проекций болезни и лечения на политические, экономические и исторические процессы, продемонстрированная в эссе Сюзан Сонтаг [25] на примере двух наиболее

«знаковых» заболеваний XIX и XX вв. – туберкулеза и рака, – была развита в работах Л. Геллера [26], К. Инчин [27], Н. Тамручи [28], показавших изменение рецепции болезни и ее метафорического осмысления в зависимости от социального контекста эпохи.

Медикализация общества отразилась на появлении большого количества лингвистических исследований, посвященных анализу речевого взаимодействия врача и пациента. В работах Л. Бейлинсон, М. Барсуковой, Э. Акаевой, В. Жура, Н. Сидоровой, Н. Гоголева и Н. Шпильной, Л. Шуравиной, М. Невзоровой, Т. Карымшаковой и других исследователей рассматривается понятие медицинского дискурса, осмысляемое как «многомерное коммуникативное образование, системообразующими факторами которого являются его цель, типовые участники, социокультурные обстоятельства общения» [29. С. 67]. При многочисленных трактовках самого понятия «дискурс» большинство исследователей сходятся в его понимании как «речи, погруженной в жизнь» [30. С. 136] и выделяют социально-деятельностный характер дискурса; связь лингвистических и экстралингвистических факторов в его функционировании; многообразие коммуникативных манифестаций; его когнитивную функцию [31. С. 45].

Медицинский дискурс понимается как тип институционального дискурса, представляющий собой общение в рамках статусно-ролевых отношений. Его участниками «являются, с одной стороны, врачи, старший и младший медицинский персонал как представители социально-профессиональной группы (агенты института), и с другой – пациент и его родственники (клиенты института)» [32. С. 34].

Исследователи выделяют основные и вспомогательные коммуникативные стратегии и тактики⁴ данного дискурса, определяют его концептосферу.

В исследованиях последних лет материалом для изучения стратегий и тактик медицинского дискурса становятся художественные тексты различной природы. Так, в диссертации Н. Ефремовой [35], статьях К. Керер [33] анализируется литературная (на материале произведений Н. Амосова, Ф. Углова, Д. Правдина) и кинематографическая (на материале сериала «Неотложка») рецепция медицинского дискурса [36]. Е. Пономаренко [37] исследует отрефлексированные в литературе модели общения врача и пациента с точки зрения теории речевых жанров (объектом исследования стали тексты А. Чехова, В. Вересаева, М. Булгакова, Н. Амосова, Ю. Крелина, Ф. Углова).

Разноуровневость аспектов, связанных с темой болезни, и неоднородность их реализации в художественных текстах делают актуальным введение обобщающего термина, охватывающего все многообразие заявленной проблематики. В современном литературоведении в таком качестве выступает «морбуальный код».

«Морбуальный» (от лат. *morbus* – болезнь)⁵ является своего рода «антонимом» по отношению к «медицинскому» («врачующему болезни»). Обозначение «морбуальный» представляется более удачным, так как включает в себя не только проблематику, в той или иной мере обусловленную взаимодействием врача и пациента, но и отношение к болезни самого больного,

изменение его мировосприятия, поведения и связанных с этим философских и нравственных вопросов.

Термин «морбуальный код» был использован в работах Г. Козубовской [39] и В. Стениной [40–42], но не получил теоретического обоснования. В монографии Г. Козубовской он, наряду с другими (биографическим, поведенческим, пространственным, онейрическим, ольфакторным, музыкальным, охотничьим, активистическим, вегетативным), применяется для описания индивидуальных художественных систем писателей XIX в. [39]. Но определение термина и критерии выделения кодов исследователь не приводит. В диссертации и статьях В.Ф. Стениной также отсутствует трактовка кода, а она необходима, так как данный термин осмысляется по-разному в лингвистике, семиотике, культурологии.

Общим для различных подходов является понимание кода как «системы постоянных признаков и их значимостей» [43. С. 49] (Е. Фарино), в которой существует ряд оппозиций, а также определенные правила сочетаемости условных символов. При описании морбуального кода литературы мы будем опираться на семиотическую и культурологическую трактовки. Согласно концепции Р. Барта [44. С. 44], сравнивающего коды с «нитьями», которые, переплетаясь, составляют «ткань» текста, выделяются пять основных кодов: герменевтический, символический, семический (семантический код в классификации А. Брудного [45. С. 176]), пройаретический (или нарративный), гномический (или культурный). Е. Фарино пишет, что «наличие общего кода – непереносимое условие сверткостных образований» [43. С. 50].

С одной стороны, морбуальный код является семантическим, так как относится к плану содержания текста, обуславливает его тематику и проблематику. Он позволяет видеть метатекстовые образования как в произведениях разных авторов (например, Ф. Достоевского [46–48], А. Чехова [41, 42, 49], М. Булгакова [50], М. Алданова [51], Е. Водолазкина [52]), так и в литературе изучаемого периода в целом [53–55].

С другой стороны, морбуальный код – один из культурных кодов. При множестве подходов к определению и вычленению функций культурного кода (С. Толстая, Г. Левинтон, Б. Кононенко, Т. Ерохина, В. Красных, М. Пименова, В. Маслова, А. Бувич) большинство авторов сходятся в его трактовке как «“ключа” к пониманию конкретного типа культуры» [56–58], «некой понятийной сетки», с помощью которой носитель языка «категоризирует, структурирует и оценивает окружающие его и свой внутренний миры» [59. С. 232]. Исследования по лингвокультурологии показывают, что правила его дешифровки «задаются культурой: культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора» [60. С. 19]. Они «фиксируются в языковом сознании и в языке и проявляются в дискурсе» [59. С. 233].

В. Красных выделяет базовые коды культуры: соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный и духовный [59. С. 233]. При этом она подчеркивает, что нет жестких границ между кодами, они накладываются друг на друга. Так, «соматический код используется <...> для

описания пространства» (ср. фразеологизмы «под рукой», «в двух шагах»), а «пространственные отношения переносятся на временные» («в двух минутах отсюда») и наоборот («в трех часах езды») [59. С. 233]. При анализе одного кода необходимо учитывать его взаимодействие с остальными, являющимися в данном случае субкодами.

Культурный код содержит ряды основных оппозиций, например, пространственный: «верх – низ», «внутреннее – внешнее», «далекое – близкое». Для морбуального кода основными оппозициями являются «здоровье – болезнь», «жизнь – смерть», «врач – пациент». Они определяют концептосферу⁶ морбуального кода.

По наблюдению исследователей, концепт «болезнь» является одним из наиболее древних в языке. При этом Г.П. Бурова фиксирует, что «в некоторых авторских словарях культуры <...> (В.П. Руднев, Ю.С. Степанов), статья “Болезнь” отсутствует: возможно, негативная ментальная оценка этого феномена и наличие оппозиционного концептуального фактора здоровья как высшей ценности способствовали устранению из некоторых современных лексикографических репрезентант культуры понятийной области “болезнь”» [62].

Морбуальный код является одним из наиболее важных и древних (универсальных) кодов культуры. Он становится основой для порождения метафор. «Все отвратительное или уродливое напоминает нам болезнь. Во французском осыпающийся каменный фасад все еще определяют эпитетом *lèpreuse* (изъеденный проказой, прокаженный. – *Прим. пер.*) <...> На болезнь проецируется наше восприятие зла. А болезнь (обогащенная смысловыми оттенками) проецируется на мир» [25. С. 59], – пишет Сюзан Сонтаг. В ставшем классическом эссе она показывает универсальность метафорических проекций болезни на политические и социальные процессы в европейской культуре.

В русской литературе XX в. морбуальные метафоры реализуются как на уровне языка («духовная слепота», «политическая близорукость», «безумная любовь/решение/поступок», «близорукий интеллигент», «язвы капитализма»⁷). Они общеупотребительны. Также в морбуальных метафорах выражается глубинное осмысление происходящих перемен (например, революция осмысляется как «высокая болезнь» или «великолепная хирургия» у Б. Пастернака; А. Солженицын создает развернутую метафору опухоли ГУЛАГа в «Раковом корпусе» и «Архипелаге ГУЛаг» [63]). Л. Геллер, рассматривая «парадигму болезни» в произведениях советских авторов 1930-х гг., пишет: «В литературе соцреализма мотив “болезни” часто связывается с мотивом “врага”. <...> Поэтому процесс выздоровления получает здесь типично идеологические черты» [26. С. 363]. Осмысление социального или политического отклонения как «болезни» требовало и скорейшего излечения «недуга», что ярко отразилось в произведениях соцреализма [27, 28].

Таким образом, морбуальный код может быть одним из ключевых в произведениях, не связанных напрямую с изображением болезни. В «Архипелаге ГУЛаг» формирование и развитие лагерной системы

осмысляется в метафорах рака: «Архипелаг дает метастазы» – так называется одна из глав третьей части произведения, автор в терминах морбуальности описывает и возникновение первого из лагерей, Соловецкого, и показывает быстрое «распространение опухоли» до гигантской лагерной системы, сравнивая ее последствия для страны с выбрасыванием «метастазов». То, что основой для построения метафоры становится сопоставление с раком, не случайно, здесь играет роль представление об онкологическом заболевании как о болезни смертельной, но «не возвышенной, а отталкивающей и вызывающей страх» [63. С. 68].

Морбуальный код находит выражение в разных видах искусства: в литературе, живописи, кинематографе, в театре. В нем запечатлены особенности национального сознания и культуры описываемой эпохи. Так, если рассматривать различные способы кодирования образов, непосредственно связанных с морбуальностью, можно видеть принципиальное отличие в осмыслении и способах репрезентации одних и тех же единиц кода в меняющемся культурном и (или) научном контексте. Например, образ врача во второй половине XVIII в., с одной стороны, осмысляется как образ стяжателя-шарлатана (в баснях В. Тредиаковского, А. Сумарокова, эпиграммах М. Хераскова и Д. Хвостова, отражено массовое недоверие к медицине и представление о врачах-«смертодавах») а, с другой – как «лечителя душ» (в произведениях Н. Новикова, А. Радищева). Развитие медицины и появление ряда новых областей знания в середине и второй половине XIX в. преломляется в текстах И. Тургенева, А. Герцена, В. Вересаева, рисующих врача-скептика и материалиста, подвергающего жесткой ревизии не только тело больного, но и устройство общества. А в произведениях М. Булгакова, А. Платонова, Б. Лавренева находит отражение характерное для советской культуры 1920–1930-х гг. утопическое видение врача как создателя «нового человека» [24. С. 90–129].

При анализе морбуального кода важными субкодами становятся соматический и духовный. Не случайно в древних культурах и религиях представлено понимание телесной немощи как духовной ущербности или, наоборот, избранности, а телесного здоровья – как совершенства духовного, что отражено в латинской поговорке «*Mens sana in corpore sano*». Соответственно, врачевание осмыслялось как дар «целительства»: «И от Вышнего врачевание, И от царя получает он дар» (Сир. 38:1-2). В русской культуре наряду со светскими «лечьцами», которых было очень немного, широко практиковали «лечьцы-монахи» и знахари, которых до XVII в. называли волхвами [55]. Воздействие на болезнь осуществлялось или с помощью обращения к Богу и святым или, в последнем случае, – к языческим силам. Изображение болезни – страдания физического – выводило писателей на осмысление предельных экзистенциальных вопросов (в произведениях Ф. Достоевского, Л. Толстого, М. Алданова, А. Солженицына, Е. Водолазкина, Л. Улицкой). Литературная рецепция «пороговых» (в бахтинском понимании) ситуаций неотделима от многогранной духовной рефлексии.

Другими субкодами, тесно связанными с морбуальным, являются временной, пространственный, предметный.

Как правило, болезнь обуславливает ограничение пространства, его замкнутость. Типичные морбуальные локусы, начиная с XIX в.: это комната (умирающего Базарова или Ивана Ильича), больница (в «Записках сумасшедшего» Гоголя, «Палате № 6» Чехова, «Записках врача» В. Вересаева или «Записках юного врача» М. Булгакова). В литературе XX–XXI вв. к ним добавляются тюрьма и лагерь (в «Колымских рассказах» В. Шаламова, «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной, «Авиаторе» Е. Водолазкина). В то же время это может быть разомкнутое пространство воспоминаний или бредовых галлюцинаций героя (в «Записках сумасшедшего» Н. Гоголя, «Защите Лукина» В. Набокова, «Капусе Кукоцкого» Л. Улицкой).

Пространственный код переплетается с предметным. Ограничение пространства тесно связано с отказом от привычных вещей, что очень точно описал Ю. Олеся: «Когда он (Пономарев. – Е.Т.) понял, что тяжело заболел и умирает, то понял он также, как велик и разнообразен мир вещей и как мало их осталось в его власти» [64. С. 227]. Обыденные предметы могут приобретать символическую функцию, часто становясь воплощением утраченной полноты мира.

Пересечение пространственного и предметного кодов с морбуальным обогащает визуальную поэтику произведений. Так, изображение болезни (психических расстройств героев у Н. Гоголя, В. Одоевского, Ф. Достоевского, Ф. Сологуба, В. Набокова, С. Соколова; деформации зрения в произведениях В. Набокова, А. Ремизова, С. Кржижановского) позволяет авторам показать сложные эксперименты с пространством и окружающим вещным миром [65–67].

Временной код при изображении болезни неодинок. Наряду с недискретным линейным током времени авторы используют обратный (от «Смерти Ивана Ильича» до «Опытов» М. Вишневецкой, «Авиатора» и «Брисбена» Е. Водолазкина); показывают слитность воедино прошлого, настоящего и будущего (в «Школе для дураков» Саша Соколова: «<...> недавно (сию минуту, в скором времени) я плыл (плыву, буду плыть) на весельной лодке по большой реке» [68. С. 39]); или

описывают застывшее время (для сошедшего с ума профессора Вольфа Лейбе в романе Г. Яхиной).

Морбуальный код может быть реализован в художественном медицинском дискурсе (в «Записках врача» В.В. Вересаева, «Записках юного врача» М.А. Булгакова, «Раковом корпусе» А.И. Солженицына и многих других произведениях). В то же время в ряде текстов медицинский дискурс может отсутствовать или может быть сведен к минимуму, как, например, в «Мелком бесе» Ф. Сологуба, в «Защите Лукина» В. Набокова, при этом изображение измененного сознания героя играет в романах центральную роль [21, 69], и морбуальный код проявляется на сюжетно-композиционном, пространственно-временном, идейно-философском уровнях текстов.

Учитывая множественность и разнообразие проявлений и функций морбуального кода, мы предлагаем следующее определение, выработанное на основе семиотического подхода: морбуальный код – формально-содержательное единство, репрезентирующее в художественных текстах образы и (или) метафорические проекции морбуальности. Литература «кодирует» представление о болезни, образы больных, врачей, медицинские «сюжеты» жизни. В то же время с помощью морбуального кода писатель может изображать политические, социальные, культурные процессы, напрямую не связанные с болезнью.

Код как «системность авторских выборов» [43. С. 49] в конкретных произведениях может быть реализован на разных уровнях текста с разной степенью полноты. Вариативность использования данного кода зависит от индивидуальной поэтики писателя, от социальных, политических этических, философских и эстетических кодов эпохи.

Морбуальный код – один из важных семантических и культурных кодов художественного текста. Его пересечение с соматическим, духовным, пространственным, временным, предметным кодами определяет как своеобразие поэтики отдельного произведения, так и позволяет видеть целостное единство текстов того или иного периода истории литературы в осмыслении не теряющих актуальности вопросов, связанных с рефлексией болезни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обзор междисциплинарного курса *Literature and Medicine* и проблемы его развития даны в статье Е. Неклюдовой [8].

² Так, произведения А.И. Герцена, А.П. Чехова, В.В. Вересаева, М.А. Булгакова перепечатывались в отрывках, а иногда и целиком в пособиях для студентов медицинских университетов (см., напр., [9]). Многочисленные высказывания выдающихся врачей разных специальностей о большой роли изучения литературных «случаев из практики» для их собственного становления приведены в монографии И. Лихтенштейн [10] (см. также [11, 12]).

³ Особенно подробно разработан этот подход по отношению к творчеству А.П. Чехова. В 1990-е гг. в доме-музее Чехова в Москве прошли конференции: «Чехов и медицина», «“Черный монах” глазами врачей и филологов», «“Палата № 6” глазами врачей и филологов», «“Степь” глазами врачей и психологов».

⁴ М. Барсукова выделяет диагностирующую, лечащую и рекомендуемую стратегии медицинского дискурса [32]; Е. Керер рассматривает как основные когнитивные стратегии, представленные убеждением и внушением; а также вспомогательные: прагматические («направлены на изменение условий взаимодействия между участниками коммуникации, улучшение психоэмоционального состояния пациента, на содействие выполнению назначений и рекомендаций специалиста, демонстрации эмпатии»); диалоговые стратегии («стимулируют речевую активность клиента медицинского дискурса»); риторические («позволяют врачу “приблизиться” к пациенту, подстраиваясь под его восприятие с целью получения релевантной информации и создания психологического комфорта») [33. С. 101]. Важен вывод исследователей, что «Система стратегий и тактик медицинского дискурса способна варьироваться и дополняться новыми компонентами в зависимости от смены коммуникативных условий и социальных практик» [34. С. 401].

⁵ В литературоведении слово «морбуальный» начинает употребляться после выхода сборника [15] и работы Т. Шмелевой [38].

⁶ Концепт понимается как «единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [61. С. 271].

⁷ Наталья Тамручи говорит о метафоричности понятий «здоровый» и «больной» в советской риторике, где данные антонимы стали применяться «не только по отношению к человеческому телу, но и к телу социальному. Так, социализм “здоровый” противопоставлен капитализму “загнивающему”; высказывания, расходящиеся с курсом партии, именуются “гнилыми”, и т.п.» [28. С. 135].

ЛИТЕРАТУРА

1. Россоломо Г. Искусство, больные нервы и воспитание (по поводу «декадентства»). М. : Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1901. 50 с.
2. Рыбаков Ф. Современные писатели и больные нервы. Психиатрический этюд. М. : Типо-лит. В. Рихтер, 1908. 50 с.
3. Вавулин Н. Безумие, его смысл и ценность: Психологические очерки. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913. 232 с.
4. Радин Е. Футуризм и безумие. Параллели творчества и аналогии нового языка кубо-футуристов. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1914.
5. Закржевский А. Рыцари безумия (Футуристы). Киев: Тип. акц. о-ва «Петр Барский», 1914. 163 с.
6. Кириленко Е. Концепт медиализации культуры как опыт социокультурной интерпретации // Дефиниции культуры. Томск, 2009. Вып. 8. С. 96–97.
7. Чавдарова Д., Стойменова Б. Тема болезни в европейской литературе (предварительный обзор) // Studio Literaria Polono-Slavica. 6. Morbus, Medicamentum et Sanus. Warszawa: SOW, 2001. 205–216.
8. Неклюдова Е. «Воскрешение Аполлона»: literature and medicine – генезис, история, методология // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика : сб. статей / под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М. : Новое издательство, 2006. С. 16–27.
9. Медицина в произведениях русских писателей : хрестоматия для студентов медицинских учебных заведений / сост. А. Сатретдинова. Астрахань, 2009.
10. Лихтенштейн И. Литература и медицина. [Ontario]: Altasphera, 2015.
11. Трубецков А., Трубецкова Е. Роман А.И. Солженицына «Раковый корпус» в контексте биоэтики // А.И. Солженицын и русская культура : сб. науч. тр. Вып. 3. Саратов : Изд. центр «Наука», 2009. С. 63–70.
12. Трубецкова Е.Г. «Записки врача» В. Вересаева в контексте этических проблем современной медицины // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, Вып. 2. С. 207–211.
13. Гончаров С., Гончарова О. Врач и его биография в русской литературе // Studio Literaria Polono-Slavica. 6. Morbus, Medicamentum et Sanus. Warszawa: SOW, 2001. С. 217–227.
14. Каган-Пономарев М. Литераторы и врачи: очерки и подходы с приложением Биобиблиографического словаря. М. : Дашков и К., 2007.
15. Studio Literaria Polono-Slavica. 6. Morbus, Medicamentum et Sanus. Warszawa: SOW, 2001.
16. Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика. М. : Новое издательство, 2006. 304 с.
17. Руднев В. Характеры и расстройства личности. Патография и метапсихология. М. : Класс, 2002.
18. Пекуровская А. Страсти по Достоевскому: механизмы желаний сочинителя. М. : Новое литературное обозрение, 2004.
19. Богданов К. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVII–XIX вв. М. : ОГИ, 2005.
20. Сироткина И. Классики и психиатры: психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX веков. М. : Новое литературное обозрение, 2008.
21. Сконечная О. Русский параноидальный роман: Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков. М. : Новое литературное обозрение, 2015.
22. Смирнов И. Психодиахронология: Психистория русской литературы от романтизма до наших дней. М. : Новое литературное обозрение, 1994.
23. Faryno J. Чем и зачем писатели болеют и лечат своих персонажей? // Studia Literaria Polono-Slavica. 6. Morbus, Medicamentum et Sanus. Warszawa: SOW, 200. P. 485–494.
24. Трубецкова Е. «Новое зрение»: болезнь как прием острашения в русской литературе XX века. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 297 с.
25. Сонтаг С. Болезнь как метафора. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016.
26. Геллер Л. Враги здоровья и народа. Парадигма болезни в русском соцреализме // Studio Literaria Polono-Slavica. 6. Morbus, Medicamentum et Sanus. Warszawa: SOW, 2001. С. 351–364;
27. Инчин К. Римское изречение «В здоровом теле – здоровый дух» и поэтика социалистического реализма // Studio Literaria Polono-Slavica. 6. Morbus, Medicamentum et Sanus. Warszawa: SOW, 2001. С. 385–397.
28. Тамручи Н. Медицина и Власть // Новое литературное обозрение. 2013. № 122. С. 134–155.
29. Шуравина Л. Медицинский дискурс как тип институционального дискурса // Вестник Челябинского государственного уни-та. 2013. № 37 (238). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 65–67.
30. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990.
31. Косицкая Ф., Матюхина М. Английский медицинский дискурс в сфере профессиональной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. Вып. 6 (183). С. 45.
32. Барсукова М. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача : дис... канд. филол. наук. Саратов, 2007. С. 34.
33. Керер К. Особенности языкового выражения речевого воздействия врача на пациента в рамках медицинского дискурса (на материале кинофильма «Неотложка») // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2018. № 4 (66). С. 99–111.
34. Майборода С. Вспомогательные стратегии в профессиональной речевой коммуникации доктора и пациента (К вопросу о границах классификации) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 396–401.
35. Ефремова Н. Когнитивно-дискурсивные механизмы создания медицинского текста (на материале произведений Н.М. Амосова, Ф.Г. Углова) : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017.
36. Керер К. Лингвокультурный концепт «врач» в отечественном художественном медицинском дискурсе (на материале произведения Д. Правдина «Записки городского хирурга») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 149–154.
37. Пономаренко Е. Жанровая организация речевого общения врача и пациента (на материале художественных произведений писателей-врачей) : дис. ... д-ра филол. наук. Симферополь, 2014. 405 с.
38. Шмелева Т. Морбуальная оптика // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 7. Екатеринбург, 2001. С. 4–15.
39. Козубовская Г. Середина века: миф и мифопоэтика. Барнаул : АлтГПА, 2008. 273 с.
40. Стенина В. Субъективация времени в эпистолярной А.П. Чехова: Морбуальный код // Философия Чехова. Материалы Международной научной конференции Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008.
41. Стенина В. Филология болезни в прозе А.П. Чехова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006.
42. Стенина В. Оппозиция «мужское»/«женское» в прозе Чехова: морбуальный код // Диалог культур. 7: Сборник материалов межвузовской конференции молодых ученых. Барнаул : Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2005. С. 23–32.
43. Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. 639 с.
44. Барт Р. S/Z / пер. с фр., под ред. Г. Косикова. 2-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2001. 232 с.
45. Брудный А. Психологическая герменевтика : учеб. пособие. М., 1998.

46. Кузнецов О., Лебедев В. Достоевский над бездной безумия. М. : Когито-Центр, 2003.
47. Лахманн Р. «Истерический дискурс» Достоевского // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика : сб. статей / под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М. : Новое издательство, 2006. С. 103–121.
48. Медведева Д., Казаков А. Проблема безумия в романах Ф.М. Достоевского 1865–1880-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 333–338.
49. Клуге Р. Отображение болезни в рассказах «Палата № 6» и «Черный монах» // Чеховиана. М. : Наука, 1995. С. 52–59.
50. Шабалдина Е. Безумие как сквозной мотив в творчестве М.А. Булгакова (генезис, варианты реализации) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2013. № 1 (23). С. 175–180.
51. Трубецкова Е. История болезни в романах М.А. Алданова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, Вып. 3.
52. Трубецкова Е. Борьба с амнезией: набоковские «знаки и символы» в романе Е. Водолазкина «Авиатор» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 104–108.
53. Одесский М. Человек болеющий в древнерусской литературе // Древнерусская литература: изображение человека и природы. М. : Наследие, 1995.
54. Мертен С. Поэтика медицины. От физиологии к психологии в раннем русском реализме // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика : сб. статей / под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М. : Новое издательство, 2006. С. 103–121.
55. Malek E. Врачевание и «болеющий человек» в быту и литературе России XVI–XVIII веков // Studia Literaria Polono-Slavica. 6. Morbus, Medicamentum et Sanus. Warszawa: SOW, 2001. P. 243–259.
56. Кононенко Б. Большой толковый словарь по культурологии. М. : Вече, 2003. 512 с.
57. Горелова И., Лысенко Н. Культурология: Тематический словарь : учеб. пособие. М. : МИИТ, 2011. 88 с.
58. Ерохина Т. Текст-код массовой культуры // Ярославский вестник. 2015. № 2, Т. 1 (Культурология).
59. Красных В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М. : Гнозис, 2002.
60. Маслова В. Национальные ценности и язык: духовный код культуры // Лінгвістика. 2010. № 2 (20). С. 19–30.
61. Воркачев С. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 17, вып. 2. Краснодар, 2003. С. 268–276.
62. Бурова Г. Фармацевтический дискурс как культурный код: семиотические, прагматические и концептуальные основания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ставрополь, 2008.
63. Трубецкова Е. Болезнь как социальная и политическая метафора в литературе и публицистике XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 65–68.
64. Олеша Ю. Люмпн // Олеша Ю. Избранное. Фрунзе : Адабият, 1989.
65. Трубецкова Е. Глаз и оптические средства: деформация зрения в прозе Владимира Набокова // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 58–65.
66. Трубецкова Е. «Ракетка и глаз, заброшенный в пространство»: визуальные коды русского формализма в новеллах Сигизмунда Кржижановского // Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание. М. : Новое литературное обозрение, 2017. С. 611–621.
67. Трубецкова Е. Близорукость как дар творческого видения в романе А. Ремизова «Подстриженными глазами» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 183–187.
68. Соколов С. Школа для дураков. СПб. : Симпозиум, 2001.
69. Букс Н. Набоков и психиатрия. Случай Лужина // Семиотика безумия / под ред. Н. Букс. Москва; Париж : Европа. Русский институт, 2005. С. 172–193.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 января 2021 г.

On the Morbual Code of Russian Literature

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 47–54.

DOI: 10.17223/15617793/467/6

Elena G. Trubetskova, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: etrubetskova@gmail.com

Keywords: morbual code; cultural code; literature and medicine; disease.

The article aims at solving the problem of a theoretical substantiation of the term ‘morbual code’. The object of the research was Russian literature of the 19th–21st centuries. On the basis of semiotic and linguocultural methods of analysis, the morbual code is considered and examined as one of the most ancient (universal) cultural codes reflecting the peculiarities of the national consciousness of the epoch under consideration. The main oppositions of the morbual code are identified: ‘health – disease’, ‘life – death’, ‘doctor – patient’. The analysis has shown that the same code units (images of doctor, illness, patient) have different forms of representation in literary texts of different eras, depending on changes in the cultural and/or scientific context. The article examines the relationship between the morbual code and medical discourse, identifies their overlapping areas and their differences. The article shows that the morbual code can be present both in works thematically or figuratively related to disease/medicine (in B. Pasteranak’s *Doctor Zhivago*, it is determined by the profession of the protagonist; in A. Solzhenitsyn’s *Cancer Ward*, by the main problem range and the location), and in texts not directly related to the image of the disease (in Solzhenitsyn’s *The Gulag Archipelago*, the formation and development of the prison system is interpreted in metaphors of cancer: the author shows the onset, the rapid “spread of a tumor” and describes how “the archipelago metastasizes”). On the basis of E. Faryno’s definition of the code as the “consistency of the author’s choices”, the examples of how the morbual code is implemented on different text levels are analyzed, and the overlaps of the code with the basic cultural codes – somatic, spiritual, temporal, spatial, subject – are considered. Typical morbual loci are described; the main features of the temporal organization of texts associated with the image of the disease are identified. The morbual code is shown to have become the basis for identifying metatextual unities both in the works by different authors (for example, F. Dostoevsky, A. Chekhov, M. Bulgakov, M. Aldanov, V. Aksenov, E. Vodolazkin), and in the literature of a particular period of literary history as a whole. The study has made it possible to clarify the scope of the term and give it the following definition: the morbual code is a formal-meaningful unity, representing images and/or metaphorical projections of morbuality in literary texts. The variability in the use of this code depends on the individual poetics of the writer, on the social, political, ethical, philosophical, and aesthetic codes of the era.

REFERENCES

1. Rossolimo, G.I. (1901) *Iskusstvo, bol'nye nervy i vospitanie (po povodu "dekadentstva")* [Art, Ill Nerves and Education (About “decadence”)]. Moscow: Tipo-lit. t-va. I.N. Kushnerev i K.

2. Rybakov, F.E. (1908) *Sovremennyye pisateli i bol'nye nervy. Psikhiatricheskii etyud* [Modern Writers and Ill Nerves. A psychiatric study]. Moscow: Tipo-lit. V. Rikhter.
3. Vavulin, N.V. (1913) *Bezumie, ego smysl i tsennost': Psikhologicheskie ocherki* [Madness, its meaning and value: Psychological essays]. Saint Petersburg: Tip. F. Vaysberga i P. Gershunina.
4. Radin, E.P. (1914) *Futurizm i bezumie. Paralleli tvorchestva i analogii novogo yazyka kubo-futuristov* [Futurism and madness. Parallels of creativity and analogies of the new language of the cubo-futurists]. Saint Petersburg: Tip. F. Vaysberga i P. Gershunina.
5. Zakrzhevskiy, A.Kh. (ed.) (2009) *Rytsari bezumiya (Futuristy)* [Knights of Madness (Futurists)]. Kiev: Tip. akts. o-va "Petr Barskiy".
6. Kirilenko, E.I. (2009) *Kontsept medikalizatsii kul'tury kak opyt sotsiokul'turnoy interpretatsii* [Concept of medicalization of culture as an experience of socio-cultural interpretation]. In: *Definitzii kul'tury* [Definitions of Culture]. Vol. 8. Tomsk: Tomsk State University. pp. 96–97.
7. Chavdarova, D. & Stoymenova, B. (2001) Tema bolezni v evropeyskoy literature (predvaritel'nyy osmotr) [The topic of illness in European literature (preliminary examination)]. *Studia litteraria Polono-Slavica*. 6. pp. 205–216.
8. Neklyudova, E. (2006) "Voskreshenie Apollona": literature and medicine – genesis, istoriya, metodologiya ["The Resurrection of Apollo": literature and medicine – genesis, history, methodology]. In: Bogdanov, K., Murashov, Yu. & Nikolozhi, R. (eds) *Russkaya literatura i meditsina: Telo, predpisaniya, sotsial'naya praktika* [Russian literature and medicine: Body, prescriptions, social practice]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. pp. 16–27.
9. Zakrzhevskiy, A.Kh. (ed.) (2009) *Meditsina v proizvedeniyakh russkikh pisateley: khrestomatiya dlya studentov meditsinskikh uchebnykh zavedeniy* [Medicine in the Works of Russian Writers: A reader for medical students]. Astrakhan: Astrakhan State Medical University.
10. Likhtensheyn, I.E. (2015) *Literatura i meditsina* [Literature and Medicine]. Ontario: Altasphera.
11. Trubetskoy, A. & Trubetskova, E. (2009) Roman A.I. Solzhenitsyna "Rakovyy korpus" v kontekste bioetiki [Cancer Ward in the context of bioethics]. In: Gerasimova, L.E. (ed.) *A.I. Solzhenitsyn i russkaya kul'tura* [A.I. Solzhenitsyn and Russian Culture]. Vol. 3. Saratov: Izd. tsentr "Nauka". pp. 63–70.
12. Trubetskova, E.G. (2020) Notes of a Doctor by V. Veresaev in the Context of Ethical Problems of Contemporary Medicine. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 2 (20). pp. 207–211. (In Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2020-20-2-207-211
13. Goncharov, S. & Goncharova, O. (2001) Vrach i ego biografiya v russkoy literature [Doctor and his biography in Russian literature]. *Studia Literaria Polono-Slavica*. 6. pp. 217–227.
14. Kagan-Ponomarev, M. (2007) *Literatorty i vrachi: ocherki i podkhody s prilozheniem Biobibliograficheskogo slovary* [Literators and Doctors: Essays and approaches with the application of the Biobibliographic Dictionary]. Moscow: Dashkov i K.
15. *Studia Literaria Polono-Slavica*. (2001) 6.
16. Bogdanov, K., Murashov, Yu. & Nikolozhi, R. (eds) (2006) *Russkaya literatura i meditsina: Telo, predpisaniya, sotsial'naya praktika* [Russian Literature and Medicine: Body, prescriptions, social practice]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
17. Rudnev, V. (2002) *Kharaktery i rasstroystva lichnosti. Patografiya i metapsikhologiya* [Characters and Personality Disorders. Pathography and Metapsychology]. Moscow: Klass.
18. Pekurovskaya, A. (2004) *Strasti po Dostoevskomu: mekhanizmy zhelaniy sochinitelya* [Passions According to Dostoevsky: Mechanisms of the writer's desires]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
19. Bogdanov, K. (2005) *Vrachi, patsienty, chitateli: Patograficheskie teksty russkoy kul'tury XVII–XIX vv* [Doctors, Patients, Readers: Pathographic texts of Russian culture of the 17th–19th centuries]. Moscow: OGI.
20. Sirotkina, I. (2008) *Klassiki i psikiatry: psikiatriya v rossiyskoy kul'ture kontsa XIX – nachala XX vekov* [Classics and Psychiatrists: Psychiatry in Russian culture of the late 19th – early 20th centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
21. Skonechnaya, O. (2015) *Russkiy paranoid'nyy roman: Fedor Sologub, Andrey Bely, Vladimir Nabokov* [Russian Paranoid Novel: Fyodor Sologub, Andrei Bely, Vladimir Nabokov]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
22. Smirnov, I. (1994) *Psikhodiakhronologika: Psikhistoriya russkoy literatury ot romantizma do nashikh dney* [Psychodichronology: Psychohistory of Russian literature from romanticism to the present day]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
23. Faryno, J. (2001) Chem i zchem pisateli boleyut i lechat svoikh personazhey? [What with and why do writers get sick and treat their characters?]. *Studia Literaria Polono-Slavica*. 6. pp. 485–494.
24. Trubetskova, E. (2019) "Novoe zrenie": bolezni kak priem ostraneniya v russkoy literature XX veka ["New Vision": Disease as a method of defamiliarisation in Russian literature of the 20th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
25. Sontag, S. (2016) *Bolezn' kak metafora* [Disease as a Metaphor]. Translated from English by M.A. Dadyan & A.E. Sokolinskaya. Moscow: Ad Marginem Press.
26. Geller, L. (2001) Vragi zdorov'ya i naroda. Paradigma bolezni v russkom sotsrealizme [Enemies of health and the people. The paradigm of illness in Russian socialist realism]. *Studia Literaria Polono-Slavica*. 6. pp. 351–364.
27. Inchin, K. (2001) Rimskoe izrechenie "V zdorovom tele – zdorovyy dukh" i poetika sotsialisticheskogo realizma [Roman dictum "In a healthy body – a healthy mind" and the poetics of socialist realism]. *Studia Literaria Polono-Slavica*. 6. pp. 385–397.
28. Tamruchi, N. (2013) Meditsina i Vlast' [Medicine and Power]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 122. pp. 134–155.
29. Shuravina, L.S. (2013) On typology of medical discourse. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo uni-ta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 37 (328). pp. 65–67.
30. Yartseva, V.N. (ed.) (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya.
31. Kositskaya, F.L. & Matyukhina, M.V. (2017) English medical discourse in the sphere of professional communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 6 (183). pp. 44–48. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-6-44-48
32. Barsukova, M.I. (2007) *Meditsinskiy diskurs: strategii i taktiki rechevogo povedeniya vracha* [Medical discourse: strategies and tactics of the doctor's speech behavior]. Philology Cand. Diss. Saratov.
33. Kerer, K.A. (2018) Peculiarities of linguistic implementation of doctor's speech influence on patient (on the material of the film "Neotlozhka"). *Vestnik Severo-vostochnogo federal'nogo universiteta – Vestnik of North-Eastern Federal University*. 4 (66). pp. 99–111. (In Russian). DOI: 10.25587/SVFU.2018.66.16127
34. Mayboroda, S.V. (2016) Accessory strategies in professional speech communication of a doctor and a patient (to the issue of the classification borders). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 4 (16). pp. 396–401. (In Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-396-401
35. Efremova, N.V. (2017) *Kognitivno-diskursivnye mekhanizmy sozdaniya meditsinskogo teksta (na materiale proizvedeniy N.M. Amosova, F. G. Uglova)* [Cognitive-discursive mechanisms for creating a medical text (based on the works by N.M. Amosov and F.G. Uglov)]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
36. Kerer, K. (2019) Linguocultural concept 'doctor' in the Russian artistic medical discourse (based on the novel the city surgeon's notes by Dmitry Pravdin). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 2 (19). pp. 149–154. (In Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2019-19-2-149-154
37. Ponomarenko, E.A. (2014) *Zhanrovaya organizatsiya rechevogo obshcheniya vracha i patsienta (na materiale khudozhestvennykh proizvedeniy pisateley-vrachev)* [Genre organization of speech communication between a doctor and a patient (based on the fiction by physician writers)]. Philology Dr. Diss. Simferopol.
38. Shmeleva, T.V. (2001) Morbual'naya optika [Morbual optics]. *Lingvistika. Byulleten' Ural'skogo lingvisticheskogo obshchestva*. 7. pp. 4–15.

39. Kozubovskaya, G.P. (2008) *Seredina veka: mif i mifopoetika* [Mid-century: Myth and mythopoetics]. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy.
40. Stenina, V.F. (2008) [Subjectivation of time in the epistolary of A.P. Chekhov: Morbual code]. *Filosofiya Chekhova* [Philosophy of Chekhov]. Proceedings of the International Conference. Irkutsk. 27 June – 2 July 2006. Irkutsk: Irkutsk State University. (In Russian).
41. Stenina, V.F. (2006) *Mifologiya bolezni v proze A.P. Chekhova* [The mythology of disease in the prose by A.P. Chekhov]. Abstract of Philology Cand. Diss. Samara.
42. Stenina, V.F. (2005) [Opposition “masculine” / “feminine” in Chekhov’s prose: the morbial code]. *Dialog kul’tur* [Dialogue of Cultures]. Proceedings of the Interuniversity Conference. Vol.7. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. pp. 23–32. (In Russian).
43. Faryno, J. (2002) *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to Literary Theory]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University.
44. Barthes, R. (2001) *S/Z*. Translated from French by G. Kosikov. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS. (In Russian).
45. Brudnyy, A.A. (1998) *Psikhologicheskaya germenevtika* [Psychological Hermeneutics]. Moscow: Labirint.
46. Kuznetsov, O.N. & Lebedev, V.I. (2003) *Dostoevskiy nad bezdnoy bezumiya* [Dostoevsky Over the Abyss of Madness]. Moscow: Kogito-Tsentr.
47. Lakhmann, R. (2006) “Istericheskiy diskurs” Dostoevskogo [Dostoevsky’s “Hysterical Discourse”]. In: Bogdanov, K., Murashov, Yu. & Nikolozi, R. (eds) *Russkaya literatura i meditsina: Telo, predpisaniya, sotsial’naya praktika* [Russian literature and medicine: Body, prescriptions, social practice]. Moscow: Novoe izdatel’stvo. pp. 103–121.
48. Medvedeva, D.A. & Kazakov, A.A. (2011) The problem of madness in 1865–1880s novels of F. Dostoyevsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 351. pp. 333–338. (In Russian).
49. Kluge, R. (1995) *Otobrazhenie bolezni v rasskazakh “Palata № 6” i “Chernyy monakh”* [Display of the disease in the stories “Ward No. 6” and “Black Monk”]. In: Lakshin, V.Ya. (ed.) *Chekhoviana*. Moscow: Nauka. pp. 52–59.
50. Shabaldina, E.V. (2013) Insanity as prevailing theme in the works of M.A. Bulgakov (genesis, variants of implementation). *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf’eva – Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University*. 1 (23). pp. 175–180. (In Russian).
51. Trubetskova, E.G. (2017) ‘Case history’ in M. A. Aldanov’s novels. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 3 (17). pp. 323–326. (In Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-323-326
52. Trubetskova, E.G. (2020) The Fight against Amnesia: Nabokov’s ‘Signs and Symbols’ in the Novel by E. Vodolazkin *The Aviator*. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 1 (20). pp. 104–108. (In Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2020-20-1-104-108
53. Odesskiy, M.P. (1995) *Chelovek boleyushchiy v drevnerusskoy literature* [A person who is sick in ancient Russian literature]. In: Demin, A.S. (ed.) *Drevnerusskaya literatura: izobrazhenie cheloveka i prirody* [Old Russian literature: the image of man and nature]. Moscow: Nasledie.
54. Merten, S. (2006) *Poetika meditsiny. Ot fiziologii k psikhologii v rannem russkom realizme* [Poetics of Medicine. From physiology to psychology in early Russian realism]. In: Bogdanov, K., Murashov, Yu. & Nikolozi, R. (eds) *Russkaya literatura i meditsina: Telo, predpisaniya, sotsial’naya praktika* [Russian literature and medicine: Body, prescriptions, social practice]. Moscow: Novoe izdatel’stvo. pp. 103–121.
55. Malek, E. (2001) *Vrachevanie i “boleyushchiy chelovek” v bytu i literature Rossii XVI–XVIII vekov* [Medicine and the “sick person” in everyday life and literature of Russia in the 16th–18th centuries]. *Studia Literaria Polono-Slavica*. 6. pp. 243–259.
56. Kononenko, B.I. (2003) *Bol’shoy tolkovyy slovar’ po kul’turologii* [Big Explanatory Dictionary on Cultural Studies]. Moscow: Veche.
57. Gorelova, I.N. & Lysenko, N.N. (2011) *Kul’turologiya: Tematicheskii slovar’* [Cultural Studies. Thematic Dictionary]. Moscow: Russian University of Transport.
58. Erokhina, T.I. (2015) Text – the code of mass culture. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2 (1). pp. 37–45. (In Russian).
59. Krasnykh, V.V. (2002) *Etnopsikholingvistika i lingvokul’turologiya* [Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology]. Moscow: Gnozis.
60. Maslova, V.A. (2010) *Natsional’nye tsennosti i yazyk: dukhovnyy kod kul’tury* [National values and language: the spiritual code of culture]. *Lingvistika*. 2 (20). pp. 19–30.
61. Vorkachev, S.G. (2003) *Kul’turnyy kontsept i znachenie* [Cultural concept and meaning]. *Trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta – Scientific Works of the Kuban State Technological University*. 2 (17). pp. 268–276.
62. Burova, G.P. (2008) *Farmatsevticheskiy diskurs kak kul’turnyy kod: semioticheskie, pragmaticheskie i kontseptual’nye osnovaniya* [Pharmaceutical discourse as a cultural code: semiotic, pragmatic and conceptual foundations]. Abstract of Philology Dr. Diss. Stavropol.
63. Trubetskova, E. (2018) Illness as a social and political metaphor in literature and journalism of the XXth century. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 1 (18). pp. 65–68. (In Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-65-68
64. Olesha, Yu. (1989) *Izbrannoe* [Selected Works]. Frunze: Adabiyat.
65. Trubetskova, E.G. (2018) The eye and optical devices: deformation of sight in Vladimir Nabokov’s prose. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 429. pp. 58–65. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/429/7
66. Trubetskova, E.G. (2017) “Raketka i glaz, zabroshenny v prostranstvo”: vizual’nye kody russkogo formalizma v novellakh Sigizmunda Krzhizhanovskogo [“The racket and the eye thrown into space”: visual codes of Russian formalism in the novels of Sigismund Krzhizhanovsky]. In: Levchenko, Ya. & Pil’shchikov, I. (eds) *Epokha “ostraneniya”*. *Russkiy formalizm i sovremennoe gumanitarnoe znanie* [The era of “defamiliarization”. Russian formalism and modern humanitarian knowledge]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 611–621.
67. Trubetskova, E.G. (2018) Short-sightedness as a gift of creative vision in the novel by A. Remizov with trimmed eyes. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 2 (18). pp. 183–187. (In Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-183-187
68. Sokolov, S. (2001) *Shkola dlya durakov* [School for Fools]. Saint Petersburg: Simpozium.
69. Buhks, N. (2005) Nabokov i psixiatriya. Sluchay Luzhina [Nabokov and psychiatry. Luzhin’s case]. In: Buhks, N. (ed.) *Semiotika bezumiya* [Semiotics of Madness]. Moscow: Evropa; Russkiy institut. pp. 172–193.

Received: 19 January 2021